

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_81

О месте влияния в «триединой формуле власти»: теоретические и прикладные аспекты

П. А. Цыганков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
TsygankovPA@my.msu.ru

Аннотация.

В статье показана несостоительность утверждений о существовании противоположных моделей влияния, якобы свойственных России как «автократии», с одной стороны, и «мировым демократиям» (США и Западу) – с другой. Рассмотрены теоретические и прикладные аспекты категории «влияния». Анализ специальной литературы дополняется подробным разбором экспертных докладов, содержание которых может служить примером подхода многих западных специалистов по России к рассматриваемой проблеме.

Ключевые слова: власть, сила, влияние, автократии, мировые демократии, информационное противоборство

Благодарности: Выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского государственного университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Цыганков П. А. О месте влияния в «триединой формуле власти»: теоретические и прикладные аспекты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2(847). С. 81–91. DOI 10.52070/2500-347X_2022_2_847_81

Original article

On the Place of Influence in the “Triune Formula of Power”: Theoretical and Applied Aspects

Pavel A. Tsygankov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
TsygankovPA@my.msu.ru

Abstract.

The article shows the inconsistency of the claims about the existence of opposite models of influence, allegedly characteristic of Russia as an “autocracy”, on the one hand, and “world democracies” (the United States and the West), on the other. Theoretical and applied aspects of the category “influence” are considered. The analysis of specialized literature is supplemented by a detailed analysis of expert opinions, the content of which can serve as an example of the approach of many Western experts on Russia to the problem under consideration.

Keywords:

power, power, influence, autocracies, world democracies, information warfare

Acknowledgments:

The article was written with the assistance of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow State University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”

For citation:

Tsygankov, P. A. (2022). On the place of influence in the “Triune formula of power”: theoretical and applied aspects. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 81–91. 10.52070/2500-347X_2022_2_847_81

ВВЕДЕНИЕ

Наблюдаемый в последние десятилетия переход к новому миропорядку происходит в условиях разноконцептуальных тенденций в эволюции международных отношений.

Во-первых, сегодня уже мало у кого вызывает сомнение существование тенденции постепенного упадка глобальной либеральной империи и глобальной идеологии либерализма¹. Трудно отрицать и то, что данная тенденция сопровождается усилением сопротивления ей со стороны США и их союзников путем сдерживания развития поднимающихся «других». Речь идет, прежде всего, о Китае и России, которые предпринимают ответные действия, сближая свои позиции.

Во-вторых, на фоне движения к многополярности пропадают очертания раскола мира на глобальный Запад и глобальный Незапад при одновременном формировании быстро развивающихся «неприсоединившихся» держав, крупнейшие из которых (Индия, Индонезия, Нигерия, Бразилия, Турция) стремятся играть собственную роль, и объективные основания для этого будут возрастать.

В-третьих, история показывает, что главным вопросом в подобных ситуациях является вопрос о том, как сохранить мир при изменении баланса сил. Сохранение мира в условиях перехода и сегодня остается центральным вопросом. Вместе с тем меняется представление о содержании как мира, так и войны. Существенное отличие современного состояния заключается в том, что главные стороны нынешней конфронтации убеждены в том, что, говоря словами 40-го президента США Р. Рейгана, «есть вещи поважнее, чем мир».

Другими словами, современная конфронтация гораздо ближе к описанному К. Клаузевицем состоянию войны, как совокупности средств (неизбежно вооруженных), призванных заставить противника изменить себя, подчинившись вашей воле. В данном контексте неслучайно широкое распространение получил термин «война» с такими прилагательными, как «гибридная», «информационная», «нелинейная» и т. п. Важно отметить и то, что новые технологии дают противостоящим сторонам средства небывалого прежде информационного воздействия, цифровизация позволяет переносить

противостояние в виртуальную реальность, а совершенствование кибероружия несет в себе невиданную прежде угрозу нанесения неприемлемого ущерба. При этом ясно, что глобального замирения не будет, так как речь идет о борьбе за власть, силу и влияние в мировой политике, как средства самосохранения наиболее мощных государств, втянутых в противостояние.

В таких условиях есть необходимость перехода от созерцательных оценок и отстраненно-«объективного» анализа обстановки к конкретным исследованиям того, что и кто за ней стоит, чем она опасна, прежде всего, для нашей страны, а не просто «для мира в целом», и какие усилия должны / могут быть предприняты для обеспечения ее безопасности и развития в области российской международной и внешней политики.

Цель статьи – показать несостоятельность утверждений о существовании противоположных моделей влияния, якобы свойственных России как «автократии», с одной стороны, и «мировым демократиям» (США и Западу) – с другой. В данной связи автор останавливается на теоретических и прикладных аспектах категории «влияния». Анализ специальной литературы дополняется подробным разбором экспертных докладов, содержание которых может служить примером подхода многих западных специалистов по России к рассматриваемой проблеме. Для наглядности основные положения докладов приведены в виде таблиц. Структурно статья состоит из трех разделов. Первый из них посвящен краткому исследованию вопроса о различиях и единстве в содержании терминов «власть», «сила» и «влияние». Во втором разделе рассматриваются трактовки методологического значения категории влияния. Наконец, в третьем разделе показано ее использование в современном политико-информационном противоборстве Запада против России на примере двух аналитических докладов, опубликованных сотрудниками военной школы МО Франции в 2017 и 2020 годах. В заключение делается вывод о неотрывности внешнеполитического влияния государства от его интересов и, соответственно, от властных и силовых отношений в мировой политике.

О РАЗЛИЧИЯХ И ЕДИНСТВЕ В СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНОВ «ВЛАСТЬ», «СИЛА» И «ВЛИЯНИЕ»

Прежде всего, стоит обратить внимание на то, что, хотя «власть» – это ключевое понятие всех рассуждений о политическом, ее содержание, во-первых, остается предметом дискуссий, а, во-вторых,

¹Значительный пласт литературы, посвященной вопросам деглобализации, в данной связи не случаен, как с точки зрения отражения самого факта этого нового исторического момента, так и с точки зрения стремления его содержательных характеристик. Во всяком случае, сегодня все более очевиден неоднозначный, не всеобъемлющий, не общехарактеризующий, не всеобъясняющий характер феномена «глобализации», как и небесспорность его либеральных трактовок (в основном линейных, объективистских и, чаще всего, завышено оптимистических).

Политические науки

применительно к международной политике имеет свою специфику.

В соответствии с «каноническим» определением, власть трактуется как способность обладающего ею субъекта добиться от других такого поведения, мыслей, идей, мнений, которые в другом случае не имели бы места (К. Маркс, М. Вебер, Р. Арон, Р. Даль и др.). Власть позволяет навязывать свою волю, устанавливать выгодные для себя отношения с другими, в том числе в противовес их интересам, и это делает ее основой политики.

Основные признаки власти, ее составляющие – это авторитет, который формирует легитимность; престиж, который определяет притягательность власти и стремление к ней; доминирование, позволяющее добиваться подчинения через соответствующие политические и экономические институты. Классическим стал и главный признак государственный власти, сформулированный М. Вебером – монополия на легитимное применение силы. Однако особенность международных отношений состоит в том, что в них нет единого центра власти, решения которого обладали бы, подобно тому, как это происходит во внутренней политике, обязательностью для всех действующих лиц, а также гарантированной возможностью легитимного насилия по отношению к тем, кто их не исполняет. С точки зрения Р. Аrona, который был приверженцем веберовского подхода, в международных отношениях, отличающихся отсутствием монополии на легитимное использование силы и слабой ролью институтов в регулировании споров, типичные проявления власти состоят в прямом принуждении или угрозе насилия. Поэтому он настаивал, что понятие власти (важное место в структуре которого занимает такой признак, как территория, и который тоже отличается собственной спецификой применительно к международным отношениям) больше подходит для внутриполитических, чем для международных процессов. Для изучения последних уместнее, по его мнению, использовать понятие «мощь». Вместе с тем он считал, что государства «...хотят быть сильными не только для того, чтобы предотвратить агрессию и наслаждаться миром, а для того, чтобы их боялись, уважали или любили» [Aron, 1984, с. 279]. В конечном счете они хотят располагать властью как способностью навязывать свою волю соседям и соперникам, влиять на судьбу человечества, на развитие цивилизации [там же].

Французский ученый исходил из того, что государство может обладать как актуальной, так и потенциальной силой. *Потенциальная сила* – это та, которая присутствует «на бумаге»: она может существовать как совокупность человеческих,

моральных и материальных ресурсов, но оставаться не задействованной, не материализованной. В свою очередь *актуальная сила* также имеет два измерения. Во-первых, в военное время она сближается и практически соединяется с военной силой, но вместе с тем не совпадает с ней полностью, так как ход операций в военных действиях в значительной мере определяется не только модальностями вооруженной борьбы, но и иными – невоенными ресурсами. Во-вторых, в мирное время она еще более далека от военной силы, так как армия, флот и авиация, хотя и существуют, но не используются, являясь лишь инструментом внешней политики. Между потенциальной и актуальной силой находится *мобилизация*. Таким образом, использование силы зависит от мобилизации ресурсного потенциала на основе воли, способности и др. качеств политических акторов [там же, с. 58–80].

В любом случае указанная способность связана с ресурсами, среди которых различают материальные, человеческие и моральные, или социальные факторы. К первым относят природные (в том числе территориальные), экономические (включая технологические) и военные характеристики государства. Ко вторым – демографические (численность населения, его национально-этнический состав, возрастная структура и т. п.). К третьим – уже упомянутые авторитет, престиж, доминирование, связанные в числе прочего с культурой, «качеством» национальных лидеров, искусством дипломатии. Важнейшее место среди социальных ресурсов принадлежит информационным и организационным возможностям, которыми располагает государство [Хрусталев, 2019].

Существенная проблема, с которой сталкивается анализ политической власти, состоит в том, что окончательного, строгого, общепринятого, четкого разделения между властью, силой и влиянием не существует. Часто эти понятия рассматриваются как взаимозаменяемые, а во многих языках и обозначаются одним термином. Один из вариантов их разделения в ТМО исходит из того, что *власть* понимается как социальное отношение и не может быть абсолютной, при этом такое отношение является диалектическим, обоюдным, хотя и несимметричным. В свою очередь *сила* – это, в некотором смысле, средство (совокупность средств) применения власти и использования властных ресурсов, которые говорят о возможности такого применения.

Ссылка на ресурсы при определении силы не случайна. Она связана с двумя искушениями, кающимися анализа власти: а) с попытками выработать количественные показатели, позволяющие получать все более точную оценку средств реализации власти и находить таким образом

рациональную основу поведения участников МО; б) со стремлением выявить главный, конечный, или исходный детерминирующий фактор того или иного типа поведения. При этом в первом случае часто допускаемая ошибка связана не с невозможностью количественных измерений ресурсов силы (достижения современной науки во многом допускают «измерение» не только материальных, но и моральных ресурсов), а с переоценкой их значения, которое на самом деле носит довольно относительный характер. Точно так же не стоит отрицать рациональность на основе того, что в политике многое зависит от эмоций, страхов и других когнитивных особенностей лиц, принимающих решения. Контрагумент состоит в том, что «социальная рациональность», с которой имеет дело политика, не сводится к подобию математических расчетов, а имеет свою специфику, которую надо принимать во внимание, хотя не стоит и преувеличивать [Gutmann, 2012].

Во втором случае за определяющий фактор принимается либо экономика (марксистские и неолиберальные теории), либо военная сила (стратегические исследования), либо пространственно-географические факторы (так называемая формальная геополитика). На самом деле, как это ни парадоксально выглядит, с точки зрения властных возможностей размеры экономической силы государства не имеют первостепенного значения, поскольку другие государства оценивают ее с позиций потенциального применения. Иначе говоря, значение экономического фактора состоит не tanto в экономических возможностях самих по себе, сколько в способности государства использовать этот ресурс в политических целях. Точно так же сведение силы к ее военному компоненту дает о ней лишь частичное представление. Оно соответствовало определенным историческим фазам, когда лучшим способом навязать свою волю другому было принуждение с помощью оружия. Ядерное оружие показало пределы применения военной силы. Однако желание принуждать других никуда не делось. Для этого пришлось искать разные способы. В результате стратегическими инструментами стали ценности и идеология, которые в последнее время заметно милитаризовались [Gutmann, 2012].

Вообще ни один отдельно взятый, даже очень важный фактор силы не является решающим при оценке власти участника МО. Оценка реальной власти предполагает необходимость принимать во внимание: 1) всю совокупность факторов; 2) способность преобразовывать один фактор в другой; 3) место, занимаемое государством в системе «властных отношений» на международной арене.

Признание невозможности учесть все измерения и способы применения силы и недостаточности аналитического потенциала категорий власти и силы заставляет обратиться к понятию «влияние». Однако, несмотря на все более частое использование, оно остается не менее многозначным и расплывчатым, чем понятия «власть» и «сила», а нередко и совпадающим с ними. В данной связи исследовательскую ценность приобретает, во-первых, совокупное применение тройственной формулы «власть-сила-влияние» при анализе особенностей каждой из ее составляющих и, во-вторых, возрастающее значение, которое приобретает в ней термин «влияние».

ТРАКТОВКИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВЛИЯНИЯ

Понятие «влияние» стало особенно активно использоваться в политическом дискурсе в последние десятилетия, главным образом, в связи с так называемыми цветными революциями, и получило более широкое развитие в свете «информационных войн». В ТМО оно достаточно долго не имело такого же распространения, как два других термина названной формулы. Вместе с тем уже в 1960-х годах А. Уолферс указывал на различие между силой и влиянием международных акторов. По его мнению, сила – это способность актора изменить поведение других международных акторов путем принуждения. Влияние же – это способность изменить указанное поведение посредством убеждения. При этом стоит обратить внимание, во-первых, на то, что он связывал влияние с целенаправленным воздействием, а во-вторых, подчеркивал, что между силой и влиянием имеется определенный континuum, т. е. их различия не абсолютны [Wolfers, 1962]. Последнее замечание тем более верно, что убеждение в международных отношениях не ограничивается только вербальной риторикой, примерами которой является то, как Украина жалуется Западу на «агрессию» России, страны НАТО «убеждают» друг друга в опасных военных приготовлениях Москвы, Байден допускает неприемлемые высказывания о Путине и т. п. Убеждение может включать и такие политические акции, как демонстрация силы, военные маневры, пограничные провокации и даже небольшие войны. Один из французских теоретиков внешней политики называет это «инструментами социализации» [Morin, 2013, с. 34–37]. В свою очередь, канадские специалисты говорят в таких случаях об «активной мягкой силе» [Nouvelle politique étrangère, 2016, с.144–146].

В данной связи стоит обратить внимание на эволюцию взглядов известного американского политолога Дж. Ная. В конце 1980-х годов он утверждал, что сила становится «менее осязаемой и менее применимой» [Най, 1989, с. 74], давая понять, что на смену ей приходит «убеждение», рассматриваемое как противоположность физическому воздействию. Политический контекст, в котором появилась данная концепция, характеризовался, с одной стороны, кризисом экономики СССР на конечном этапе его «перестройки и нового мышления» и явным истощением советских моральных и социальных ресурсов силы при сохраняющемся ядерном потенциале. Другая сторона состояла в том, что бремя затратной гонки вооружений, которое становилось тяжелым и для США, во многом утрачивало для них свой прежний смысл. Последовавший вскоре распад Советского Союза и декларации российских лидеров о стремлении «стать частью цивилизованного мира» способствовали укреплению мнения об эффективности применения «неосязаемой» силы, без отказа от одной из ее главных функций – влияния. В таком контексте уже в начале 1990-х годов появляется и получает широкой резонанс концепция «мягкой силы» [Nye, 2004]. Дж. Най определяет ее как «способность оказывать влияние на окружающих силой примера и убеждения, а не “жесткой силой” принуждения и угрозы расплаты» [Най Дж. мл., 2018а]. Правда, чаще он предпочитает подчеркивать, что «мягкая сила» – это, прежде всего, привлекательность и она работает по добровольному согласию. Вместе с тем он признает, что «мягкая сила» может быть эффективной только в сочетании с военной мощью и экономическими возможностями (жесткой силой). Как раз такое сочетание, которое он называет «умной силой», Дж. Най, вместе с Хилари Клинтон, рекомендовал использовать в мировой политике США при президенте Обамы [Най Дж., URL; Le sharp power: usage d'informations trompeuses à des fins hostiles. URL]¹. В последующем стало очевидным, что главная цель этой политики – сохранение и укрепление мирового доминирования США – администрацией Обамы не была достигнута, несмотря на применение «умной силы» в виде сочетания организации или поддержки «цветных революций», уничтожения ливийской государственности, финансирования антигосударственных групп в России и т. п.

¹Заметим, что в 2010 г. главной и фактически единственной угрозой США Дж. Най считал Китай. Указывая на военное измерение как на один из главных признаков сверхдержавности он утверждал, что КНР еще два или три десятилетия не заменит в этом качестве Америку. Тем самым он допускал ошибку «линейной проекции», в которой обвинял своих оппонентов, ибо не представлял, что уже гораздо раньше в качественном выражении военной силы США могут уступить не Китаю, а России.

Дж. Най, в отличие от Ф. Закарии, не разделяет идею об упадке американской силы и «постамериканском мире будущего» [Закария, 2009]. Вместе с тем он не может игнорировать возвышение Китая и укрепления позиций России в мировой политике. В результате он присоединяется к той части западного академического и экспертного сообщества (сегодня это, по сути, мейнстрим), которая, жертвуя остатками научной объективности, активно включается в антикитайскую и антироссийскую пропаганду на тему борьбы демократий против авторитариев². Так, Дж. Най поддерживает термин «резкая (или острые) сила», который изобрели в 2018 г. Кристофер Уокер и Джессика Людвиг из Национального фонда за демократию, понимающие под ним «новый тип влияния». С точки зрения Ная, данный термин – это аналог термина «информационная война», которая противоположна «мягкой силе», поэтому «острая сила» является вариантом «жесткой силы» [Най Дж., 2018б]. Вместе с тем он так же, как Уокер и Людвиг считает «острую силу» инструментом «авторитариев» (Китая и России) в их попытках дискредитировать и подорвать западные демократии. Най готов признать, что и США использовали информацию «в недружественных целях», однако относит подобные действия к периоду холодной войны. Он дает понять, что в наши дни Запад опирается на «мягкую силу» для распространения своего влияния. При этом Най предупреждает, что, реагируя на «острую силу» Китая или России, демократиям «важно соблюдать осторожность, чтобы не дискредитировать собственную мягкую силу». И тут же заявляет: «С армиями оплаченных троллей и бот-сетей, а также с такими каналами, как «RT» и «Спутник», российская разведка, после взлома почтовых серверов Национального комитета демократов и старших должностных лиц президентской кампании Клинтон, смогла нарушать новостные циклы из недели в неделю, направляя их в нужное для себя русло» [Най Дж. мл. 2018а]. Тем самым маститый политолог, не заботясь о доказательствах своих утверждений, использует «ложную информацию в недружественных целях», которую он сам определяет как «острую силу».

Принимать всерьез утверждения о том, что «демократии» (Запад) кардинально отличаются от «авторитариев» (Китая и России) тем, что первые основывают свою внешнюю политику на «мягкой силе», а вторые – на «острой», не приходится. История и современность полны примеров применения

²How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence. By Joseph S. Nye Jr., January 24, 2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>

государствами самых разнообразных приемов отстаивания своих интересов. А последние годы и даже десятилетия показывают, что Запад использовал умышленный и сознательный обман гораздо чаще, чем кто-либо другой: от «пробирки К. Паэла», до «отравления Литвиненко», «дела Скрипальей», «взорванных оружейных складов в Чехии» и, конечно, повсеместного «вмешательства России в выборы»... Различия между «мягкой» и «острой силой» (или информационной войной, по Наю) вновь исчезают так же, как и различия между силой и влиянием. Иначе говоря, влияние не удается отделить от силы и властных отношений.

Влияние возникает и действует как процесс мобилизации силы, позволяющий использовать соответствующие сложившейся обстановке ресурсы с целью изменить (или сохранить) мотивы и само поведение контрагента в выгодном для себя направлении. Иначе говоря, влияние, так же, как и сила, является одним из проявлений, граней или сторон многогранного феномена властных отношений. Данное понимание «влияния» соответствует и выводам социальной психологии, где оно «относится к процессам, с помощью которых отдельные лица и группы формируют, распространяют и изменяют свой образ мыслей и действий во время реальных или социальных взаимодействий» [Généralités sur la notion d'influence, URL]. Близкое понимание категории влияния встречается в отечественной политологической литературе [Обидина, 2020].

Противопоставить влияние властно-силовым отношениям не удается, ибо такое противопоставление может носить только искусственный характер, за которым стоят политические (политико-идеологические) цели. Иначе говоря, такое противопоставление само по себе является не чем иным, как подтверждением неразрывности «триединой формулы», самостоятельность элементов которой может носить лишь относительный характер.

Данный вывод касается и попыток выделить среди существующих форм влияния две противоположные модели, одна из которых опирается исключительно на мягкую силу, а также на моральное превосходство и свойственна «мировым демократиям», а другая – на «резкую» и жесткую силу и присуща авторитарным режимам, в частности России.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРМИНА «ВЛИЯНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИКО-ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОТИВОБОРСТВЕ ЗАПАДА ПРОТИВ РОССИИ

Стремление представить конкретные доказательства коренного отличия форм и механизмов

(«рычагов») влияния, используемых Западом и Российской Федерацией, можно найти в аналитических докладах экспертов по России Института стратегических исследований Военного училища при Главном управлении международного развития и стратегии Министерства обороны Франции¹.

Первый из них «Стратегии и практики влияния России» [Marangé, 2017] претендует на то, чтобы «заложить основы размышлений об истоках и модальностях российского влияния», и во многом носит действительно характер общих рассуждений об использовании Россией средств «мягкой силы», публичной дипломатии и «гибридной войны» в конфронтации с западными странами и США. Автор стремится доказать кардинальную противоположность западного и российского внешнеполитического влияния – начиная с разного понимания самого термина и исторических оснований соответствующих стратегий и методов, до практики их реализации. В докладе подчеркивается, что для Запада основной метод влияния – это его привлекательность («мягкая сила»). Для России же – это часть ее военной стратегии. Автор утверждает: «хотя стратегии влияния России носят оборонительный характер, практические действия являются весьма наступательными». Автор настаивает, что российское восприятие внешних угроз и их трактовка не соответствуют реальности, вследствие чего Кремль считает, что находится во враждебном окружении (хотя на самом деле именно США и ЕС постоянно заявляют о подрывных действиях Москвы, а НАТО принимает все новые документы о «российской угрозе»). В докладе делается вывод, что в своей конфронтации с западными ценностями демократии и плюрализма Россия использует самые современные средства информации и коммуникации, однако ее стратегии влияния основаны на советском опыте подрывной деятельности и политической культуре холодной войны.

Второй доклад «Российские стратегии влияния в Южно-кавказском регионе» [Genté, 2020]

¹ L'Institut de recherche stratégique de l'École militaire (IRSEM) rattaché à la Direction générale des relations internationales et de la stratégie (DGRIS) du ministère de la Défense. Как следует из преамбулы к периодическому изданию IRSEM, Институт публикует как открытые исследовательские материалы, предназначенные для научного сообщества, так и доклады для внутреннего пользования Министерства обороны страны. Миссия Института - «стратегическая преемственность». Она состоит в том, чтобы способствовать воспитанию нового поколения исследователей, путем обучения на ежемесячных семинарах для докторантов и предоставления докторских и постдокторских грантов. Исследователи института также вносят свой вклад в высшее военное образование через свои публикации, участие в конференциях и присутствие в средствах массовой информации, а также в общественные дебаты по вопросам обороны и безопасности.

Политические науки

посвящен «подрывной деятельности» России в Азербайджане, Армении и Грузии¹. В нем утверждается, что, в отличие от западной «мягкой силы», российская стратегия влияния основана на военной мощи (жесткой власти), экономическом и финансовом давлении, манипулировании

¹Стоит отметить, что авторы названных докладов – сотрудники не какого-нибудь таблоида или третьестепенного интернет-издания. Так, Селин Маранже – доктор наук, специалист по России, Украине и странам Центральной Азии с солидным опытом преподавания в ведущих университетах Франции и США. В 2010 году защитила докторскую диссертацию в Парижском институте политических исследований (Science Po). До перехода в IRSEM преподавала в Колумбийском университете, в Science Po и в Гарвардском университете. Режис Жант, в свою очередь, позиционируется как специалист по России и странам бывшего СССР с многолетним опытом работы в Тбилиси в качестве корреспондента Le Figaro и Radio France Internationale. Он автор трех книг, в том числе «Путин и Кавказ» (2014). В то же время о степени его компетентности в качестве эксперта по Кавказу говорит утверждение о завоевании Россией Азербайджана, Армении и Грузии в XIX в.

ценами на энергоносители и распространении недостоверной информации. В то же время в нем говорится, что Россия использует и косвенные механизмы влияния. Например, в Азербайджане самый большой рычаг российского влияния – это геополитическая поддержка правительства страны, которое так и не приняло западные политические ценности. Другим рычагом являются полмилиона азербайджанских мигрантов, работающих в России, в связи с чем пятая часть населения страны зависит от российских денежных переводов, что усиливает зависимость Баку от Москвы.

В Армении, помимо использования Нагорно-Карабахского конфликта, о котором России «достаточно лишь упомянуть», рычагами влияния остаются также русский язык и СМИ. Мигранты из Армении, подобно их азербайджанским коллегам, а также их семьи «крайне восприимчивы к российскому влиянию. Они с удовольствием используют русский язык,

Таблица 1

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ ЗАПАДНОЙ И РОССИЙСКОЙ МОДЕЛЕЙ ВЛИЯНИЯ, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ IRSEM

	Запад	Россия
Что понимается под влиянием?	Влияние, способность достигать своих целей, не прибегая к подстрекательству, угрозе или военному и экономическому принуждению (soft power)	Влияние – комплекс враждебных действий, избегающих фронтальной атаки на противника. Это часть военной стратегии, ее инвариант
Исторические основы	1. Наивысшее измерение и универсальное значение ценностей и идеалов западной демократии 2. Привлекательность демократических ценностей и норм	1. Военные доктрины советского и царского времени (враждебность к внешнему миру) 2. Опыт и политическая культура холодной войны
Основная (стратегическая) цель	Защита и распространение ценностей и идеалов	1. Защита режима 2. Великодержавность
Концептуальные основы	1. Концепция «мягкой силы» 2. Четкое различие между гражданскими и военными формами	1. Soft power (до 2007) 2. «Доктрина Герасимова»
Средства	Публичная дипломатия и манипулирование мнениями	1.«Информационная война» 2.«Гибридные войны» 3. Экономическое давление
Методы, инструменты и «рычаги»	1. Использование привлекательности ценностей и норм западной демократии 2. Сознательное распространение их путем прямого внешнего воздействия	Военные операции Кибератаки Политическая, экономическая и военная дестабилизация... Отрицание западных ценностей Поддержка антизападных правительств СМИ Русский язык

Таблица 2

УРОВНИ, ЦЕЛИ И МЕТОДЫ ВЛИЯНИЙ ЗАПАДА И РОССИИ, СОГЛАСНО IRSEM

Уровни	Цели влияния		Методы	
	Запад	Россия	Запад	Россия
Стратегический	Получение преимущества над противником с помощью ИКТ: 1. Привлечение на свою сторону партнеров: (white psy-ops) 2. Дискредитация противника (black psy-ops)	Дискредитация западных ценностей и утверждение «русского мира». Самопозиционирование как «косажденной крепости» «во враждебной среде» Дестабилизация ННГ	Дезинформация. Манипулирование информацией. Физические действия.	Ядерное сдерживание. Военное запугивание. Энергетический шантаж. Распространения своего дискурса и интерпретации мировых событий через СМИ (RT). Дезинформация (раздувание угрозы со стороны НАТО и США)
Оперативный	Информационная война (IW) - добиться преимуществ с помощью ИКТ: 1. Защита своих источников инфо 2. Разрушение или нанесение вреда источникам противника	1. Распространения своего дискурса и своей интерпретации мировых событий через СМИ (RT). 2. Дезинформация (раздувание угрозы со стороны НАТО и США)	2. Электронная война. 3. Psy-ops 4. Обман. 5. Атаки на физические инфо системы. 6. Атаки на виртуальные инфо системы	Операции по подрывной деятельности. Создание связанных с властью аналитических центров и фондов (СВОП, РСМД, Валдай, Русский мир...) Запрет демократических НПО
Тактический	1. Помеха влиянию или усилиению противника 2. Обеспечение контроля и лояльности населения	1. Операциональная безопасность 2. Вмешательство в выборы 3. Проектирование власти за <i>l'm</i> страны (Сирия, Украина, Закавказье)	Кибератаки. Защита компьютерных сетей, шпионаж и электронная слежка. Манипулирование СМИ. Пропаганда	Гибридные войны. Военное запугивание. Энергетический шантаж. Защита компьютерных сетей. Кибератаки. Вмешательство в выборы. Разведка. Пропаганда

слушают и читают российские СМИ, что является двумя инструментами, которые Москва использует в своей внешней политике» [Genté, 2020].

Что касается Грузии, то здесь Москва распространяет свое влияние через Б. Иванишвили – олигарха, который приобрел свои богатства в России. Поддерживаемый Иванишвили «Альянс патриотов Грузии» воплощает националистические и консервативные ценности, выступает за нейтралитет и отвергает усилия руководства страны по соглашению своей политики с НАТО. Второй рычаг российского влияния в Грузии – это православная церковь. Большинство из духовенства Грузинской

Церкви ближе к России, чем к Западу, отвергает западный либерализм, ценности индивидуализма и гедонизма. В-третьих, это опять-таки российские СМИ, которые прославляют и возвышают «прогрессивные» ценности, т. е. те, которые противоречат западным ценностям.

Таким образом, ключевая идея, которая проводится в цитируемых докладах IRSEM, состоит в том, что «мягкое влияние» Запада, основанное на привлекательности и открытости демократических идеалов, в корне противоположно влиянию России, которое гораздо ближе к «жесткой» силе и враждебным действиям.

Вместе с тем, признают авторы докладов, Россия заимствует западные методы soft power и публичной дипломатии. В свою очередь Запад не отказывается от информационных войн, сознательного распространения своих ценностей путем прямого внешнего воздействия на другие страны и т. п. Иначе говоря, заявление о полной противоположности методов российского и западного влияния расходится с описанными в докладе методами, которые используют стороны в своей внешней политике. Более подробно противоположность западной и российской моделей влияния, их уровней и целей, декларируемая в докладах IRSEM, показана в таблицах 1 и 2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Влияние зависит от искусства дипломатии, изобретательности. Оно связано с воздействием на сознание и потому включает в себя ссылки на авторитет, управление информацией, соблазн, доверие, обвинения, шантаж, призывы к разуму и, конечно, пропаганду. В то же время, как показывает вся практика международных отношений и особенно последние десятилетия мировой политики, влияние не ограничивается только «когнитивными процессами», не сводится к тому, что называют иногда «моральной силой» [Gutmann, 2012]. В этом смысле влияние совпадает с властью – способностью контролировать поведение других. Оно описывается не только на идеи, и его цель – не только изменить сознание. Идеи используются как инструмент и эффективны, если подкреплены материальными (социальными) ресурсами. Поэтому способы международнополитического влияния могут быть разными, но они неотрывны от средств принуждения, в том числе и военно-силовых. Попытки выстроить «модели» влияния на основе противопоставления инструментов убеждения и принуждения, «мягкой силы» и «острой силы», политического и экономического давления, иначе говоря, попытки разорвать триединую формулу оказываются неудачными. Тем более, если указанные попытки «заряжены» на сдерживание России, а их целью является основанное на политico-идеологических аргументах стремление доказать агрессивность внешнеполитических мотивов и действий «вероятного противника».

Описанные в рассмотренных докладах якобы противоположные «модели влияния» в целом соответствуют установкам, решениям и практике современной политики Запада в отношении России. В значительной мере они отражают текущее состояние американской ТМО и разделяются

мейнстримом экспертного сообщества США и их союзников [Tsygankov A., Tsygankov P., Gonzales, URL].

Вместе с тем это не означает безраздельного доминирования во внешнеполитическом дискурсе Запада вышеописанных представлений о формах и методах российского влияния. Так, например, эксперты Института поддержки мира и управления конфликтами Национальной Академии обороны Австрии Ch. Bilbana и H. Grininger подробно проанализировали широко распространенное мнение о так называемой «доктрине Герасимова» как основе стратегии «гибридной войны», которую якобы ведет Россия для утверждения своего влияния в мире. Аналитики показали вымысленный характер «доктрины Герасимова», как и то, что придумавший ее в 2014 г. британский историк и публицист Марк Галетти публично отказался от ее реальности в начале 2018 г. Распространение идеи «гибридной войны» они объясняют тем, что она выполняет три главных функции: упрощение, привлечение внимания и легитимизация. Ее цель – напоминание союзникам по НАТО в Европе о необходимости усиления их вклада в сдерживание России [Bilbana, Grininger, URL]. Действительно, термин «гибридная война» вошел в употребление в среде военных теоретиков США и в многочисленных американских «фабриках мысли» с конца 1990-х гг. Он не имеет ничего общего с несуществующей «доктриной Герасимова», а возник в связи с анализом так называемых «гибридных угроз» [«Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века, 2015].

В свою очередь, научный сотрудник Французского Института международных отношений (IFRI) Maxime Audinet отмечает, что утверждения, «будто Кремль избрал Трампа или определил исход голосования по Brexit очень проблематично: с одной стороны, рассматривать последствие российского влияния в отрыве от гораздо более широкой туманности «влиятелей» (другие СМИ, социальные сети, лица, творцы общественного мнения) невозможно, особенно во время избирательной кампании; с другой стороны, показывать пальцем на российскую пропаганду – это легкий выход для тех, кто хочет освободить себя от собственной политической ответственности» [Audinet, URL]. Одновременно автор подчеркивает отсутствие доктринальной жесткости и «очень прагматическое измерение в игре влияния России». Иначе говоря, M. Audinet признает, что главным мотивом политики влияния России выступают не антizападные установки и не мифические мотивы «гибридной войны», а интересы, остающиеся движущей силой политики любого государства. И с этим нельзя не согласиться, потому что отстаивание интересов безопасности, экономического развития, национальной чести

в противовес стратегии сдерживания составляет суть современных отношений России и Запада. С данной точки зрения, указанные отношения – это сфера властных взаимодействий. Влияние, как и сила, выступает их средством. Формы и механизмы влияния могут отличаться от страны к стране. В зависимости от обстоятельств они могут быть как

разными, так и примерно одинаковыми у одного и того же государства (или нескольких государств) по отношению к другим государствам (или одному и тому же государству). Однако особых, противоположных моделей влияния, «работающих» независимо от интересов государств как субъектов властных отношений, в мировой политике не существует.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Aron R. Paix et guerre entre les nations. P. : Calmann-Lévy, 1984.
2. Хрусталев М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М. : Аспект Пресс, 2019.
3. Wolfers A. Discord and collaboration. Baltimore, 1962.
4. Morin J.-F. La politique étrangère. Théoris, méthodes et références. Armand Colin, 2013.
5. Nouvelle politique étrangère / Sous de la direction de Ch. Mballa & N. Michaud ; préface de M. Robitaille. Presse de l'Université de Québec, 2016.
6. Най Дж. Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12. С. 73–81.
7. Nye J. Soft power: The means to success in world politics. Public Affairs. New York, 2004.
8. Най Дж. мл. Как «резкая» сила угрожает мягкой силе // Россия в глобальной политике. 29.01.2018а. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kak-rezkaya-sila-ugrozhayet-myagkoj-sile/>
9. Най Дж. О смещении сил в мире. URL : https://www.ted.com/talks/joseph_nye_global_power_shifts/transcript?language=ru#t-850309
10. Le sharp power : usage d'informations trompeuses à des fins hostiles. URL: <https://www.franceculture.fr/emissions/le-tour-du-monde-des-idees/le-tour-du-monde-des-idees-du-vendredi-01-juin-2018>
11. Закария Ф. Постамериканский мир будущего. М. : Европа, 2009.
12. Най Дж. Мягкая и острые силы Китая // Аналитический интернет-журнал Власть. 08.01.2018б. URL: <https://vlast.kz/project-syndicate/26338-magkaa-i-ostraa-sila-kitaa.html>
13. Généralités sur la notion d'influence. Publié dans Influence, engagement et dissonance. URL: <https://www.psychologie-sociale.com/index.php/fr/theories/influence/9-generalites-sur-la-notion-d-influence>
14. Обидина Ю. С. Концепция политической власти – теоретический и методологический аспекты // Власть в XXI веке. Социокультурные аспекты политических процессов: монография / под общ. ред. М. И. Рыхтика, А. Н. Фортунатова. Н.-Новгород : Изд-во ННГУ, 2020. С. 12–23.
15. Marangé C. Les Stratégies et les Pratiques d'influence de la Russie // Études de l'IRSEM. Mars 2017. N 49.
16. Genté R. Russian strategies of influence in the South Caucasus region // Études de l'IRSEM. May 25, 2020.
17. Gutmann F. La puissance n'est plus ce qu'elle était. 23.05.2012. URL: <https://www.diploweb.com/La-puissance-n'est-plus-ce-qu-elle.html>
18. Tsygankov A. P., Tsygankov P. A., Gonzales H. Putin's "Global Hybrid War": U.S. Experts, Russia, and the Atlantic Council. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/putins-global-hybrid-war/>
19. Bilbana Ch., Grininger H. Labelling Hybrid Warfare: The "Gerasimov Doctrine" in Think Tank Discourse. URL: https://www.academia.edu/44424163/Labelling_Hybrid_Warfare_The_GerasimovDoctrine_in_Think_Tank_Discourse
20. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI в. / под ред. П. А. Цыганкова. М. : Изд-во Московского университета, 2015.
21. Audinet M. La Russie n'est pas la cause, mais l'aiguillon des populismes. URL: <https://www.ifri.org/fr/espace-media/ifri-medias/russie-n'est-cause-laiguillon-populismes>

REFERENCES

1. Aron, R. (1984). Paix et guerre entre les nations. P. : Calmann-Lévy.
2. Hrustalev, M.A. (2019). Analiz mezhdunarodnyh situacij i politicheskaja jekspertiza = The analysis of international situations and political expertise. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.).
3. Wolfers, A. (1962). Discord and Collaboration. Baltimore.
4. Morin, J.-F. (2013). La politique étrangère. Théories, méthodes et références. Armand Colin.
5. Mballa, Ch., Michaud N. (2016). Nouvelle politique étrangère, préface de M. Robitaille. Presse de l'Université de Québec.
6. Nye, J. (1989). Vzaimozavisimost' i izmenajushhajasja mezhdunarodnaja politika = Interdependence and changing international politics. World economy and international relations, 12, 73–81. (In Russ.)

7. Nye, J. (2014). Soft Power: The Means to Success in World Politics. Public Affairs. New York.
8. Nye, J. Jr. (2018a). How «sharp» Force threatens soft power. Russia in global affairs. <https://globalaffairs.ru/articles/kak-rezkaya-sila-ugrozhaet-myagkoj-sile/>
9. Joseph Nye on the shifting forces in the world. https://www.ted.com/talks/joseph_nye_global_power_shifts/transcript?language=ru#t-850309
10. Zakaria, F. (2009). Postamerikanskij mir budushhego = The post-American world of the Future. Moscow : Evropa (In Russ.)
11. Le sharp power : usage d'informations trompeuses à des fins hostiles. <https://www.franceculture.fr/emissions/le-tour-du-monde-des-idees/le-tour-du-monde-des-idees-du-vendredi-01-juin-2018> (In French)
12. Nye, J. (20186). Mjagkaja i ostraja sila Kitaja = China's Soft and Sharp Power. Analiticheskij internet-zhurnal Vlast'. <https://vlast.kz/project-syndicate/26338-magkaa-i-ostraa-sila-kitaa.html> (In Russ.)
13. Généralités sur la notion d'influence. Publié dans Influence, engagement et dissonance. <https://www.psychologie-sociale.com/index.php/fr/theories/influence/9-generalites-sur-la-notion-d-influence>
14. Obidina, Ju. S. (2020). Koncepcija politicheskoj vlasti – teoretičeskij i metodologičeskij aspekty = The concept of political power – theoretical and methodological aspects. In M. I. Ryhtik, N. Fortunatov (eds.), Vlast' v HHI veke. Sociokul'turnye aspekty politicheskikh processov (pp. 12–23): monografija. Nizhni Novgorod: Izd. NNGU. (In Russ.)
15. Marangé C. Les Stratégies et les Pratiques d'influence de la Russie. Études de l'IRSEM, 49. Mars 2017.
16. Régis Genté (2020). Russian strategies of influence in the South Caucasus region. Études de l'IRSEM.
17. Gutmann F. La puissance n'est plus ce qu'elle était. 23.05.2012. <https://www.diploweb.com/La-puissance-n-est-plus-ce-qu-elle.html>
18. Tsygankov, A. P., Tsygankov, P. A., Gonzales, H. Putin's "Global Hybrid War": U.S. Experts, Russia, and the Atlantic Council. <https://eng.globalaffairs.ru/articles/putins-global-hybrid-war/>
19. Bilbana, Ch., Grininger, H. Labelling Hybrid Warfare: The "Gerasimov Doctrine" in Think Tank Discourse. https://www.academia.edu/44424163/Labelling_Hybrid_Warfare_The_GerasimovDoctrine_in_Think_Tank_Discourse
20. Tsygankov, P. A. (Ed.). (2015). «Gibridnye vojny» v haotizirujushhemja mire XXI veka = «Hybrid wars» in the chaotic world of the XXI century. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)
21. Maxime Audinet. La Russie n'est pas la cause, mais l'aiguillon des populismes. <https://www.ifri.org/fr/espace-media/lifri-medias/russie-nest-cause-laiguillon-populismes>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цыганков Павел Афанасьевич

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник кафедры международных отношений и интеграционных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tsygankov Pavel Afanasievich

Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor, Program of International Relations and Integration Processes, Political Science Department, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию 20.03.2022
одобрена после рецензирования 25.04.2022
принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 20.03.2022
approved after reviewing 25.04.2022
accepted for publication 14.06.2022